

На автостанции микрорайоне, выезжающей в пос. Октябрьский, отличалась от других затрапезным видом и побитым стеклом. Рядом в ожидании посадки крутились пьяные парни. Конгломерат усиливался стоящий по соседству шикарный автобус для пассажиров на Эссо. Как далеко все же развел перестройка два этих поселка: «Камчатской Швейцарии» грозят стать чуть ли не центром международного туризма, а рыбакий поселок на берегу Охотского моря тихо вымирает.

Впрочем, почему же тихо? Разве не из Октябрьского посыпали депутатский запрос и в «РК», и в комитет по банкротству, и в областной арбитражный суд? И разве не они, жители Октябрьского, возмущались ответами официальных лиц на свое послание? И разве не по их просьбе я еду теперь в Октябрьский, чтобы попытаться отыскать правду от лжи?

I. Хуже животных всякой

Ощущение неблагополучия, возникшее в самом начале пути, подтвердились по прибытии. Пустые многоэтажки с выбитыми окнами, этажи «дома Павлова» под боком у областного центра, в Усть-Большеречском районе с самым мощным когда-то на всем западном побережье рыбокомбинатом. В поселке, где проживало 5 тыс. человек, ныне осталось чуть больше тысячи. Как мне сказали, некий умник из эзекиевского начальства назвал их - тех, кто остался - быдлом.

- А знаете как обидно, - говорит главный технолог туковского цеха Валентина Федоровна Сахоненко. - Что у нас здесь дети выросли, - она кивает на мою провожатую Елену Станиславовну Билик, - что мои двое на мешках в жиромучном цехе выросли. Значит, мы - быдло, а там - белые люди.

- Я же говорю: у людей жизнь здесь прошла, - продолжает Елена Станиславовна, чей депутатский запрос и стал поводом для командировки. - Вот Сильченко (начальник территориального агентства по банкротству, - Г.М.) в своем ответе пишет о заводе - это, мол, постройки 60-х годов. Для него, может, и постройки, а для нас вся жизнь...

Особенно подкосила людей зима. Бывало, что кроме депутата Билик да похоронной команды некому проводить человека в последний путь. И ведь хорошие мужики умирали в 40-45 лет, не бомжи и не пьяницы. «Эх, превратили человека в животинку», - говорит Иван Егорович Свирик, капитан катера. Мы стоим на причале портпункта; когда-то здесь бурлила жизнь, круглый год принимались грузы. Комбинат имел катера, буксиры, по 2-3 бригады докеров. Несколько раз разгрузка угля и продовольствия выходили все, до директора и партнера. До двухсот человек крутилось в порту. А ныне он зарастает травой, как и рельсы, по которым бегают куда-то привезенные из Германии козловые краны.

Сам Иван Егорович, много лет отработавший на комбинате, вот уже 4-ю путью капитан в фирме «Океан». Нет, в фирме его не обижают, даже осенью обещают оплатить отпуск с дорогой на материк. И зарплату выдают регулярно. А вот родной рыбозавод с тех пор как распался, т.е. с 1996 г., задолжал ему 30 тысяч, а если с индексацией, то все 80. Прочитал Иван Егорович статью в нашей газете («Банкротство по-октябрьски» за 19 июля), с ответами Панкова, арбитражного управляющего ОАО «Октябрьский рыбокомбинат», и Сильченко, руководителя территориального агентства по банкротству, и остался очень недоволен, «потому что в них мало конкретики».

- Во-первых, там не отражено, что продан холодильник в Кихчике на 500 тонн. Хороший был холодильник, финский, всего три года отработал. Остался один фундамент. Он, оказывается, продан за зиму вывезен в город, какой фирмой и за сколько - не знаем. Сильченко тоже не ответил, возможно, упустил, но если уж ты взялся, то нужно откровенно писать. Мне еще не понравился ответ Панкова: мол, акционеров это не касается, я перед ними отчитываться не должен. А то, что он продает, кто наживал? - Мы, акционеры, которые всю жизнь здесь отдали. Я лично здесь отработал 42 года, не одни сапоги истоптал. Также и другие. И в строительстве холодильника, и завода, и причала, и флота принимали мы участие, а теперь оказались брошенными за борт.

Последний раз Иван Егорович получил заводские деньги в ноябре. Для этого пришлось брать справку у врача, что деньги нужны на лекарство. Жене действительно нездоровилось, и ему выделили 6 тысяч. Потом пришел перед Новым годом, думал, на праздник хоть немного дадут.

- Выходит бухгалтерша: кто получал до этого хоть что-то, тому ничего не будет. Ну я развернулся, и многие также ушли по домам. Потом читал ответ Панкова: он, оказывается, 50 тысяч накануне Нового года увез обратно в город. Этого самы настороживший бред. Зачем везти? Отдай ты людям, позови, ведь у каждого есть телефон. В общем, одни мытарства...

Там, где теперь пришел, в 60-х годах хлюпало болото, лепились бараки да шалаша, покрытые тольем. Некоторые бараки живы и поныне - люди переселяются в них на зиму. Больше того, бараки стали роскошью: там печи, можно обогреться, помыться, сварить обед. «Только крикни, что барак продают - с руками оторвут», - смеются мои спутники. Бани в поселке нет; двухэтажное здание бани-парничко-го комбината занято фирмой «Аборигены Севера».

- Помню, еще пацаненком, после войны возвращались в деревню под Калугой. Ее немцы спалили. Так прежде, чем поднять деревню, сначала построили барак. Даже самых отъявленных уголовников и то раз в 10 суток могут, - возмущается Иван Егорович. Однако поднять завод до прежнего уровня Свирик считает нереальным.

- Вы даже не можете представить, сколько было вывезено оборудования, все эти технологические линии, закаточные станки, сколько материальных ценностей исчезло из центрального склада. А если взять механический цех, кузницу, где все было начинено оборудованием...

Новые котлы, кран из Германии, порезали на металлом, - тогда даже человек погиб. Пусть на металлом, но куда-то же его отправили и деньги получили. А куда подевались трубы из нержавейки, что хранились на центральном складе?

Такие вопросы задавал не один Иван Егорович. А когда я, уже в городе, переадресовала их конкурсному управляющему и его заму, то получила такой ответ. Технологические линии, закаточные станки и еще кое-какое оборудование единим лотом отошли к «Коль-рыбке» при аренде консервного цеха. Фирма уже выплатила за них 2300 тыс. руб., осталось долга 600 тыс. руб., имеется акт приема-передачи.

Механические станки проданы ООО «Командор». Немецкий портальный кран, при демонтаже которого погиб человек, - сданы на металлолом и получили 54 тыс. руб. (по 60 руб. за кг). Трубы из центрального склада никуда не делись, а хранятся в другом месте. Что касается 500-тонного холодильника в Кихчике, он пока готовится к продаже, и только волокита с документами затягивает его реализацию...

Оба официальных лица дали понять, что немало заводского имущества разворовали сами же октябрьцы - те, кто пошустрил. Мол, никто к ним десант на парашютах не сбрасывал, а уж замки на складах сбивать они умеют.

Постойте, ведь сам Панков уверял, что везде выставлена охрана, кроме тех цехов, что взяты в аренду и охраняются самими арендаторами: так ли это? И мы пошли на комбинат.

II. Где заводская проходная, что в люди вывела меня?

Мне говорили, что в Октябрьском нет ни кусочка земли, - я увидела и траву, и деревья, и желтые цветы на берегу моря.

Мне говорили, что в Октябрьском нет детей, - при въезде в поселок на обочину отошли мамы с наряженными детьми.

Мне говорили (в частности, Николай Степанович Сильченко), что завод функционирует в прежнем режиме, просто вместо одной произ-

робообрабатчика с 92 года, не отказалась побеседовать. Как и все заводчане, с 1996 года не может получить зарплату. Она молча терпела до тех пор, пока не пришло известие о тяжелой болезни сестры. Пошла Галина Федоровна к Панкову на прием - просить помощи. Он выделил ей 4 тысячи на поездку (в Донецкую область!), а через неделю сестра умерла. Получила она в счет зарплаты и консервы, аж целых 16 ящиков. Судя по маркировке, у тех консервов, выпускавших фирмой «Норд-Фиш» (2-й бугор, г. Елизово), уже заканчивался срок годности.

По 12 рублей я их уже продать не могла, - говорит Галина Федоровна, - продала здесь, в поселке, приезжим скупщикам по 9 рублей за банку, а часть поменяла на картошку и овощи.

Об унизительном положении, об ухищрениях, на которые приходилось идти людям, чтобы получить хоть какие-то грозди на лечение, операции, похороны, говорили и диспетчеры портпункта.

- Нам с мужем задолжали больше 40 тысяч, - рассказывает Ирина Волкова. - Как только пронесется слух, что приезжает Панков, мы рано утром в потемках, вдвоем, чтоб не страшно, к нему в офис - целями днями простоявали в очередях. Номерки писали на ладонях, как в войну, а он и не придет. Ужас, что делал с людьми! Чтобы получить несчастные две-три тысячи, приходилось всю подноготную семьи выкладывать. Какое он имеет право унижать людей?..

Лишь после коллективной жа-

имени Российской Федерации. Люди ему доверили заводское имущество не для того, чтобы набивать свой карман. У меня там долгов на 40 тысяч, а он за месяц столько получал. Вот и результат: идет сознательное продление режима банкротства, использование цехов, причала для создания своих фирм.

Не исключено, что Пивоваров в своих служениях слишком категоричен. Фирма-призрак, ныне существующая только на бумаге, появилась задолго до введения процедуры банкротства, она возникла «из костей матери» - ОАО «Октябрьский рыбокомбинат» - как дочерняя фирма, пекрекала в свою собственность икорный цех, пристань, водонасосную станцию, людей. Как правило, заметил Панков, люди мало разбирались в ОАО, ООО... Им нужна работа, зарплата: «Было собрание, сказали, что так лучше». И когда через год фирма растворилась в тумане, оставил только одураченных рабочих, само собой - они кинулись к арбитражному управляемому. Судя по тону Панкова, ему самому «три О» как кость в горле. Официально она ликвидирована, имеет своих кредиторов. Единственное, что он мог сделать - включил принал, икорный цех и водонасосную станцию в единую конкурсную массу с намерением готовить их к продаже. Чтобы избавиться от миража «три О», придется вводить для нее параллельную процедуру банкротства с назначением своего арбитражного управляющего. Инициировать такую процедуру намерена администрация.

Замечу одно: отношения в поселке обострились. Мне рассказывали о случаях похищения и избиения людей, бывали и самоубийства.

IV. Где исполнительные листы?

Сними вообще детективная история получается.

Одним из первых моих собеседников в Октябрьском стал Иван Петрович Бармашов. Он только что вернулся из Усть-Большеречки от старшего судебного пристава. Иван Петрович показывает копии исполнительных документов на взыскание задолженности с ОАО «Октябрьский рыбокомбинат» в размере 50 тысяч. Но старший судебный пристав их не принял - ему нужны оригиналы. Такая же история у И. Свирина,

и надо заверять в суде, а заверять их не будут по той простой причине, что сначала надо установить утерю оригинала. Если оригиналы хранились у Панкова, значит, тот, кто назначен на его должность, должен сообщить в суд об их потере.

Конечно, говорит Кураленко, я могу выехать в район и что-то там арестовать. Но, во-первых, неизвестно, сколько Панков уже выплатил, во-вторых, что находится в реестре исполнительного производства. Одним словом, Кураленко должен исполнить решение суда, но по независящим от него причинам исполнять не может.

В городе я позвонила в офис Панкова. Вячеслав Петрович отсутствовал, а секретарь сообщила, что все оригиналы раньше находились у председателя ликвидационной комиссии С. Павлова. Однажды тот как уехал в отпуск в декабре 2000 года, так до сих пор пребывает неизвестно где. По крайней мере, никто не знает его местонахождение, как и местонахождение исполнительных листов.

По утверждению Бармашова, исполнительные листы утеряны специально, чтобы вываливать самовыл вдоль большеречкой трассы, а тут под боком простирается современный туковый завод. Если бы экологи штрафовали разок-другой нерадивых рыбопользователей или, еще лучше, лишили одного из них лицензий, другие, глядя, пошли бы заключать договора с Валентиной Федоровной...

А она уже о другом: как в 89-м году построили за цехом большую теплицу, отвели каждому участку и выращивали патиссоны, кабачки, курительный табак (тогда была напряженка с куревом), подсолнухи, цветы. На 23 февраля - мужчины, на 8 марта - женщины дарили тульпаны... Теперь от той теплицы и следа не осталось.

В разговор вступает Е.С. Биллик: «Таких энтузиастов, как Валентина Федоровна, у нас по деревне очень много. Особенно среди рыбопользователей. Как ни стараются затоптать нас в песок серый, как ни обзывают неполноправными, а мы все равно живем».

Забрала ключи, позвонила Любке Дерюжиной. Пришли сюда, как глянули: мама родная! Половину нет, вместо них гнилая рыба. Вся документация испортана. Что могла из той грязи выбрать, то и осталась. Машинное и жировое помешания превратили в свалку. Я с сыном да Любка с сыном стали чи-

нированные. Весной ругались: присяжные фирмачи растянули невода, песком мешки забивают. «Послушайте, - говорю, - сколько помно завод, сколько давали мест лова, ни один у себя из-под ног песок не брал. Для этого отведен берег за мысом Левашова». Так они: «Знаешь что, или отсюда?» - «Вы находитесь на моей территории, и вы на меня еще отреагируйте»... Попала в администрацию, а там разводят руками: что мы сделаем?

То, что надо наводить жесткий порядок среди множества фирм на предмет утилизации рыбных отходов, - почувствует каждый, кто проезжает по дороге на Октябрьский. Грандиозная свалка гниющих рыбных потрохов протянулась вдоль обочины. Тучи чаек устраивают здесь пиры, а проезжающие невольно зажимают носы. Сколько уже говорено о рыбных кладбищах, сколько гневных речей звучало с трибуны о загрязнении окружающей среды тухлыми отбросами, что вываливают самовыл вдоль большеречкой трассы, а тут под боком простирается современный туковый завод. Если бы экологи штрафовали разок-другой нерадивых рыбопользователей или, еще лучше, лишили одного из них лицензий, другие, глядя, пошли бы заключать договора с Валентиной Федоровной...

А она уже о другом: как в 89-м году построили за цехом большую теплицу, отвели к каждому участку и выращивали патиссоны, кабачки, курительный табак (тогда была напряженка с куревом), подсолнухи, цветы. На 23 февраля - мужчины, на 8 марта - женщины дарили тульпаны... Теперь от той теплицы и следа не осталось.

В разговор вступает Е.С. Биллик: «Таких энтузиастов, как Валентина Федоровна, у нас по деревне очень много. Особенно среди рыбопользователей. Как ни стараются затоптать нас в песок серый, как ни обзывают неполноправными, а мы все равно живем».

Н епростое это дело - банкротство крупного комбината. «Знаете, - посетовал в разговоре один из руководителей бывшего Октябрьского РКК, - труд-

После банкротства

лобы сельчан в прокуратуру внешний управляющий, говорят, не сколько подобрал.

III. Фирма-фантом

Кроме ОАО «Октябрьский рыбокомбинат», в 1997 году было

разовано и почти год просуществовало ООО «Октябрьский рыбокомбинат». Директором ее стал депутат районной Думы Василий Васильевич Остроухов. Так вот, эта фирма также не выплатила своим работникам, тем же заводчанам, годовую зарплату. Наученные тяжбами с ОАО, люди не подавали иски на ООО. И таинственная фирма исчезла с лица земли, как слепилась - так и распалась. Где теперь Остроухов с депутатской не-прикосненностью, - людям не известно.

Правда, в поселке живет настяже «Японское море», где раньше хранились гофтары, банкотара. Всюду кучи мусора, свалки. Наконец, в лабиринте мертвых зданий послышалась производственный шум - это работали цеха ОАО «Командор». И больше нигде и никого.

«Коль-руба» простоявала из-за отсутствия сырья, а на ЧП «Крысин», которое очень хвалили, к нашему приезду закончилась смесь.

Так что из более чем 15 предприятий-арендаторов на ходу было только три. Без малого 200 сельчан трудятся в «Командоре», (в «Коль-рубе» не более 15). Даже в межзимье, зимой, им выплачивают не большие денежки. К директору «Командор» В.Д. Гончаренко, по словам рабочих, всегда можно подойти, он в помои не откажется. И отпуск оплачивает вместе с дорогой, и путевые детям, и лечение, и зарплата вовремя.

Да, здесь есть вопросы, задаваемые Панкову: как к юристу и государственному человеку (если он в управление «Командор» попал) и кто же разрешит организовывать эту фирму и кто выдавал ей лицензию? Я не раз выступал на сессии против художества Остроухова, неоднократно писали в прокуратуру о повод